

Из личного дневника Ольги Ширяевой

БЕЗГРАНИЧНО ВЕРЮ

Мне очень хочется, чтобы читатель отнесся к дневникам Оли Ширяевой, 16-летней девочки, с доверием и списхождением. Всякое свидетельство о выдающемся человеке дорого нам, его современникам. Но трижды дороже оно станет нашим потомкам, которые, нам на зависть (повторю чужую хорошую мысль), будут знать его творчество лучше, хотя мы имели счастье видеть и слышать его живым.

...Много-много лет назад, играя в спектаклях Театра на Таганке, мы, артисты, заметили в зале очкарика, девчонку-подростка с фотоаппаратом, которая каким-то образом умудрилась проникнуть чуть ли не на все наши спектакли. Иногда мы получали от нее пакеты с любительскими снимками, радовались их несовершенству, потому что они были как бы «из жизни». Но потом тем не менее зачастую их теряли, не подозревая, каким документом, какой ценностью они окажутся лет через 15—20, и все благодаря ему, нашему коллеге, оказавшемуся вскоре многими любимым поэтом Владимиром Высоцким.

Кроме того, очкарик, как теперь выяснилось, записывала и наши спектакли на магнитофон, особенно там, где звучал голос Владимира Высоцкого, и вела дневники.

А таких, как она, разве один-два были? И хочется сказать — пишете, девочки, пишете, мальчики, в свои тетради свои исповеди о своих современниках, о своем времени, свое мнение, еще никак и ничем не спутанное.

Очкарика-девятклассницу звали Оля Ширяева. Ее мама работала в Институте русского языка АН СССР во вновь созданной группе по подготовке словаря русской советской поэзии. Кстати, в интервью для газеты «Книжное обозрение» я

сказал, что хорошо знаком с семьей, где мама перевела для своей дочери и переписала от руки роман Хемингуэя «По ком звонит колокол». Об издании на русском языке тогда еще не было речи. Так вот, эта мама — мама Оли Муза Васильевна Найденова.

...Жили они на Таганке, там же Оля училась в школе. В пятом классе школу преобразовали в спецшколу с расширенным преподаванием немецкого языка. Школа, Театр на Таганке, Брехт, Вайс, Высоцкий, Вознесенский — тут все как-то оказалось в одну струю. После школы в 1966 году Оля поступила в Институт иностранных языков, который

окончила в 1971 году. Проработала пять лет в «Интуристе» и перешла в издательство «Мир», в немецкие корректоры.

Вот и все. Что можно к этому добавить? Она не сразу согласилась передать в газету свои дневниковые записи. Согласилась, лишь когда ей очень серьезно объяснили: это тоже документ времени.

Пишите, девочки, пишете, мальчики, в свои тетради свои исповеди о своих современниках, о своем времени, свое мнение, еще никак и ничем не спутанное...

Валерий ЗОЛОТУХИН,
заслуженный артист РСФСР.

04.01.66. Мамина институт пригласил Высоцкого к себе на сольное выступление. Меня отправили за ним в театр. Закончивался вечерний спектакль, было около десяти. Я ждала на служебном входе. Высоцкий появился одним из первых, с гитарой и неизменными книжками под мышкой. В своем твидовом сером в крапинку пиджаке. Иногда мне кажется что он в нем и родился. Никто и никогда не видел его в ином наряде.

Высоцкого провели к маме в комнату, чтобы он мог раздеться, перевести дух и выпить кофе. Он с интересом разглядывал сборники поэтов, подержал в руках редкую литературоведческую книгу. Улыбаясь, гордо сказал, что у него такая же. Кофе гостю налили в высокую и неустойчивую чашку. Он ее нечаянно опрокинул и залил новую и очень светлую шерстяную рубашку. Страшно огорчился: как же он будет выступать в таком виде. Пришлось петь в пиджаке, хотя в зале было жарко и душно, потому что народу набилось, как сельдей в бочке.

Это был первый сольный и чисто песенный вечер Высоцкого, на котором мы присутствовали. Он сопровождал песни комментариями, разъяснениями и отвечал на вопросы. Когда вернулись в комнату и Володя снял пиджак, рубашка была насквозь мокрая, хоть выжимай...

24.11.66. Итак, вчера и сегодня должны были состояться вечера Высоцкого. Вот передо мной афишка (20x30 см), вышущая «Москонтцертом» тиражом 500 экземпляров. «ПЕСНИ». Владимир Высоцкий и поэтесса Инна Кашежева. 23 и 24 ноября в помещении театра «Ромэн» на Пушкинской и 28 ноября — в Театре им. Пушкина. Сколько вол-

нений было связано с билетами, как мы ждали этих вечеров! Накануне выступлений все три вечера Володе запретили.

Ездил сдавать билеты. В «Ромэне» висело объявление, что «ввиду болезни артиста Высоцкого...». Половина публики отлично знала, что он здоров, в театре накануне играл, днем где-то пел. Сдавать билеты стояла очередь.

29.01.67. Вечер Вознесенского в Командитории МГУ.

Мы отвоевали места в четвертом ряду. Вдруг я увидела, как через служебный вход в зал вбежал Высоцкий.

Вознесенский читал часа два, устал. Обещали, что предует артисты из Иванова, но никто не объявился. И тогда Вознесенский сказал: «В зале присутствует...» Прежде чем он успел назвать имя, снова раздалось аплодисменты. Вознесенский продолжал говорить о том, что чудесный Театр на Таганке знают повсюду и не далее как вчера его в Турине расспрашивали о нем. В Италии очень интересовались, как на Таганке поставлен «Галилей». И вот здесь присутствует (следуют хвалебные эпитеты) актер Владимир Высоцкий, который «очень здорово этого Галилея делает». Опять аплодисменты. Видно, что хлопают, алая, кому и за что. Однако, кажется, Володя не очень доволен, что его тянут на эстраду. Ветреная публика, столь бурно проявляя свой восторг, кажется, легко готова променять одного кумира на другого. Но и ломаться, заставлять себя упрямиться не в правилах Высоцкого. Он выходит на сцену. В руках у него, как всегда, какие-то книжки, папка с бумагами. Вознесенский говорит, что в зале есть и гитара. Ее выносят из подсобки. Володя кладет свои книжки на стол, отод-

вигает микрофон, пробует гитару и читает «Оду сплетникам». Под аплодисменты он уходит со сцены. И тогда Вознесенский говорит:

— Володя Высоцкий — автор таких чудесных песен. Если мы все очень попросим, то он исполнит «Нейтральную полосу».

Зал просит, но Высоцкий не выходит. Вознесенский, переговорив с ним за дверью еще раз, поправляется: вместо «Нейтральной полосы» будет исполнена песня о боксерах. Вышел Высоцкий, но в этот момент какой-то неуемный поклонник его таланта выкрикнул просьбу спеть еще что-то. Мгновенно Высоцкий приподнял его взглядом. И каким взглядом! Я этого никогда не забуду. И всем все стало ясно. Бестактно на вечере поэта требовать песен другого автора, я если публика сама этого не понимает, то придется ей объяснить. Однако говорят Высоцкий очень мягко, с обаятельной улыбкой, но всем становится стыдно за свое поведение. Он объясняет, что здесь хозяин Андрей, а хозяину нельзя отказывать. Поэтому он споет песню о боксерах, по только одну, потому что он пришел сюда слушать, как и все. Вот когда у него будет собственный вечер, то он споет все, что у него попросят.

28.05.67. У меня сессия. С трудом уговорил дома отпустить меня на второе действие «Послушайте!» Маяковского. ...Разговор в антракте: «Что меня раздражает, так это кубики и этот сыплющий актер». И так до слез хочется цветов в финале. А их нет. «Маяковский не поэт, если его надо защищать», — заявляет какая-то дамочка.

31.05.67. Творческий вечер Высоцкого в ВТО.

Вышел директор и предоставил слово Аникст, сказав о нем только, что Аникст — член худсовета Те-

атра на Таганке. Аникст говорил долго. Вероятно, он явно задел, как его представили. Аникст подчеркнул, что это первый вечер Таганки в ВТО. И сам Высоцкий, и его товарищи рассматривают этот вечер как отчет всего театра. И как это хорошо, что у входа такие же толпы желающих, как и перед театром...

Еще Аникст сказал, что вот пройдет несколько лет, и в очередном издании театральной энциклопедии мы прочитаем: «Высоцкий Владимир Сергеевич, 1938 г. рождения, народный артист». (Из зала кто-то поправил: Семенович!).

23.06.67. Сегодня вчные «Антимирь». Пришла рано, но оказалось, что Володя уже в театре, только что прилетел из Ленинграда. Увидел меня перед служебным входом и позвал: «Хочешь, покажу фотографии?» Ему явно хотелось похвастаться кинопробами с «Ленфильма». Он и Аросева. Володя сказал, что это «Интервенция». Моя любительская душа запыла от зависти к качеству снимков. Потом я показала свои. Это были сцены из «Послушайте!», которые я отпечатала как отчет для фото клуба. Фотографии ему понравились. Потом он заговорил о том, что фотография ведь стоит денег, и немалых, и что, наверное, надо как-то все делать иначе, чтобы я не разорялась на них. «Мы люди обеспеченные, особенно я...» Я про себя горько усмехнулась: «Давно ли?» — слишком хорошо помнила, что еще недавно у него ни гроша за душой не было. Володя сказал, что они могли бы покупать мне бумагу. Я отбилась — мне ведь нужны особые сорта, не будут же они бегать по всей Москве за дефицитом. Но и Володя не сдался, сказал, что не согласен и что-нибудь придумает...

Какой он разный: смешно огорчается из-за крашенных для кинопробы волос и, по-мальчишески дурачась, спорит с партнером, кто из них знаменитее. Старается не показывать, что его задевают грубость, хамство. Наивно спрашивает о «Вертикали»: «Разве такой плохой фильм?» — и остро переживает неудачный спектакль.

16.09.67. На улице я увидела Володю. Он так радостно улыбался, что я подумала, что за мной идет кто-то из его друзей. Но позади никого не было. Когда я протянула ему фотографию, которые не сумела отдать на сотых «Павших», он сказал: «Нет, ты погоди с этим, ты лучше скажи, как твои дела, как ты учишься?»

Мне кажется, что у людей вроде Володи, вокруг которых полымно поклонников, очень мало настоящих друзей и людей, искренне им преданных. Мне хочется думать, что он знает, что я безгранично ему верю. Вот он сказал, например, что ему интересен Шекспир, и я тут же перечитала все собрание сочинений, как до того перечитала Маяковского. Брехта и многое другое. Мне хочется набраться смелости, подойти и сказать ему, «что от чувств на земле нет отбоя, что в руках моих — плеск на фойе». И хочется верить, что ему это нужно, ведь это так надо всем...

* * *

Позже житейские обстоятельства замужество и работа надолго увеличили от театра. Теперь я «только издали с благоговением» следила за творческой судьбой Высоцкого и Театра на Таганке. Первый этап пути был пройден, началось стремительное восхождение Владимира Высоцкого к вершинам поэзии. Но это уже другая глава...

Публикацию подготовила
Л. ЕРШОВА.

Фото О. Ширяевой.

«Послушайте!» 23.05.67.

«Пугачев». 24.12.67.